

М. С. Рогачевская
г. Минск, Беларусь

БИБЛЕЙСКИЕ БАТАЛИИ В ЭПОХУ КОРОЛЯ ГЕНРИХА VIII (по роману Х. Мантел «Вулфхолл»)

Важнейшую роль в процессе развития языков и культур, а также в ускорении кризиса религиозного засилья и средневекового мракобесия сыграл перевод важнейшей из книг христианского мира – Библии. Ренессансному гуманизму, Реформации в Германии, подъему национального самосознания европейских стран предшествовали и жестокие события.

Процесс создания Священного Писания на национальном языке в Англии сопровождался репрессиями, казнями, подавлением инакомыслия, сжиганием несанкционированных переводных экземпляров на кострах инквизиции, преследованиями – и, таким образом, Библия в средневековой Англии в буквальном смысле слова оказалась омытой кровью. За историей переводов – мрачные события с множеством смертей, контрабандой, тюремными заключениями и убийствами.

Веками католическая церковь ревностно охраняла текст от широкой публики. Переведенная изначально на латынь (а в оригинале написанная на иврите и древнегреческом), Библия была доступна лишь узкому кругу духовников. Таким образом осуществлялась неоспоримая гегемония церкви, поддерживалась подчиненность прихожан. Владение библейским словом ставило духовников в привилегированное положение с неограниченной властью. Но несколько непокорных все же дерзнули сделать это духовное богатство достоянием всех, умеющих читать. Этими людьми были Джон Уиклиф (1320 или 1324–1384), Томас Кранмер (1489–1556) и Уильям Тиндейл (1494–1536) – истинные мученики в битве за Библию.

Самый первый перевод Библии увидел свет в 1380-х, когда Джон Уиклиф поставил под сомнение авторитет церкви, усомнившись в равной мере и в святости церковных ритуалов. Уже тогда, изучая библейские сказания в оригинале, на древнегреческом, он пришел к выводу, что церковь ушла от первоначальных основ, декларированных Новым Заветом. Собрав вокруг себя группу сторонников, он стал переводить Библию на современный ему вариант английского. Однако это еще не были печатные переводы и потому они зачастую были несовершенны. Тем не менее такой почин все же рассматривался церковью как еретическое действие. Даже после смерти Уиклифа преследования продолжились, книги сжигали, а тех, у кого оставались экземпляры, также причисляли к еретикам и предавали огню. Даже тело погребенного Уиклифа было эксгумировано и предано позорному сожжению, а прах его был развеян.

В 1515 г. был осуществлен очередной перевод Нового Завета на латынь с древнегреческого и иврита. Печатные библейские тексты увидели свет на английском языке в 1526 г., в эпоху правления короля Генриха VIII, которая

совпала с началом Возрождения в Англии и с началом самой мощной атаки против католической церкви. На арену выходит невероятно образованный Уильям Тиндейл, который, как и его предшественник, считал церковь ненужным преполоном между верующими и Богом. При этом данный акт несанкционированного перевода являлся страшным преступлением, за которое карали смертью.

Томас Кранмер и Уильям Тиндейл стали персонажами современного исторического романа – «Вулфхолл» (2009) британской писательницы Хилари Мантел (1952), за который она получила свою вторую Букеровскую премию. Это произведение – история целой эпохи и история личности: советника короля Генриха VIII, его правой руки Томаса Кромвеля (1485–1540). В целом в романе освещается та историческая роль, которую Кромвель сыграл в рождении новой Англии. При этом, как пишет Б. М. Проскурнин, это «не только персонаж истории Англии, ... но и личность, которая являла собою по сути образ новой страны, нового мышления, отношения к людям, законам, правилам и нормам бытия» [1, с. 79]. Через внутреннюю перспективу Томаса Кромвеля отражаются все события истории, описанные Х. Мантел в романе: противостояние Генриха VIII Екатерине Арагонской, ожидание наследника и глубокое разочарование короля в браке с Екатериной, разрыв с королевой и подготовка к свадьбе и коронованию Анны Болейн, разрыв с Римской католической церковью, уничтожение кардинала Уолси, жесткий идеологический спор с консервативным и догматичным Томасом Мором, казни и интриги.

Борьба за власть на троне сопровождается не менее ожесточенной борьбой за власть над душами и умами людей. И в этом определенная роль принадлежит Уильяму Тиндейлу. В отличие от центральной позиции Т. Кромвеля, Тиндейл лишь упомянут *in absentia*. Но тем не менее, его незримая власть над сознанием оказывается всепоглощающей. Так, впервые в романе перевод Тиндейлом библейских текстов представлен в эпизоде, когда Томас Кромвель не может заснуть на протяжении ночи и встает на заре, чтобы прочесть *his German book* [2].

Тиндейл издавал свои переводы в Германии. 18 000 копий проникли в Англию контрабандным путем. По некоторым сведениям, организованные католической церковью обыски оказались даже сверхэффективными, поскольку в итоге «выжили» всего 2 экземпляра. Найденные книги переведенной Библии были конфискованы и 6 000 экземпляров были сожжены на крыльце Собора Св. Павла. Самого же Тиндейла предали, он был заключен в тюрьму, а впоследствии, перед сожжением на костре, как еретик был сначала подвергнут удушению (таков был более щадящий способ казни, применяемый по отношению к людям образованным или занимающим высокое положение в обществе). По легенде, последними словами У. Тиндейла были: «Lord! Open the King of England's eyes!».

Томас Мор (1478–1535) принимал самое активное участие в репрессиях. Главной его претензией к Тиндейлу и обвинением в еретической деятельности было уличение в переводческих искажениях, каковых, по словам

секретно переговаривающихся персонажей романа, в тексте перевода насчитали 2 000: *They read me Tyndale's Gospel. Do you know that bishop Tunstall and Thomas More between them have identified two thousand errors in his so-called Testament? It is more heretical than the holy book of the Moslems* [2, с. 557].

В то же время выполненный Тиндейлом перевод был впервые сделан напрямую с иврита – версии, составленной Эразмом Роттердамским. До своей казни Тиндейл успел полностью перевести Новый Завет и Книги Пятикнижия и Иона из Ветхого Завета (перевод которого был позже завершён М. Кавердейлом в 1535 г.).

Известно, что Тиндейла вдохновил перевод Библии на немецкий язык Мартина Лютера, в то время как единственным санкционированным текстом для английской католической церкви была Библия на латыни, Вульгата, созданная ок. 340–420 гг. В 1525 г. перевод Тиндейла был впервые издан в Кёльне, за ним последовало исправленное полное издание 1526 г., которое Тиндейл полностью отредактировал и издал в 1535–1536 гг. При этом он осознанно не прибегал к предшествующей версии перевода Уиклифа.

Все эти достоверно известные факты находят отражение в романе «Вулфхолл», и Х. Мантел «вдохнула» в них жизнь. В государственную деятельность Кромвеля периодически вкрапляются сведения о том, где находится Тиндейл в тот или иной момент времени, каковы новости от подосланного в нему человека в Антверпен, куда Тиндейлу пришлось бежать.

Каковы же глубинные основы нового текста, открывшего людям истинную суть библейского писания? Мантел избирает ряд важных аспектов перевода Тиндейла. Первый – это несколько упомянутых в романе эпизодов, где изображён Т. Кромвель, читающий Библию в переводе Тиндейла. Этот текст имеет для Кромвеля эффект некоего прозрения, приводящего к болезненному отказу от веками укоренившегося в сознании концепта «чистилице». Как оказывается, нигде в Библии такого понятия нет. Как нет и упоминаний «священных мощей», «монахов и монахинь», «Папы Римского» и т.д. [1, с. 39].

Т. Кромвель тайно потворствует проникновению пиратских копий в Англию. Он вдумчиво вчитывается в свой экземпляр, при этом ведёт двойную игру с Т. Мором, который готов вместе с текстом сжечь и людей. Иронично, но на обложке такой пиратской копии, вместо названия издательства, напечатана фраза «PRINTED IN UTOPIA», за которую, в том числе, и отомстит впоследствии Т. Мор.

Второй аспект размышлений Мантел над исторической значимостью перевода Библии на английский язык затрагивает вопрос доступности смысла Священного Писания, что выражено крылатой фразой Тиндейла: *a boy washing dishes in the kitchen is as pleasing to the eye of God as a preacher in the pulpit or the apostle on the Galilee shore* [2, с. 123]. В предисловии к изданию переводной Библии точная фраза Тиндейла звучит так: *to cause a boy that driveth the plough to know more of the Scripture than the clergy* [цит. по 3, с. 450].

Между клерикальным переводом в Вульгате и переводом Тиндейла в отношении некоторых понятий наблюдаются разительные расхождения. Для Т. Мора – это страшное преступление. Так, Х. Мантел приводит слово «любовь» (*love*): *Tyndale says, now abideth faith, hope and love, even these three; but the greatest of these is love.*

Thomas More thinks it is a wicked mistranslation. He insists on 'charity'. He would chain you up, for a mistranslation. He would, for a difference in your Greek, kill you [2, с. 152].

Самыми распространенными примерами расхождений между Вульгатой и Библией Тиндейла являются переводы слов: *Церковь*: *Church* в переводе с латыни, что подразумевает организацию, избранность, элитарность, и *Congregation* у Тиндейла, что уже явственно намекает на демократические принципы, в пользу чего Мантел также приводит слова Тиндейла: *One Christian man may judge another [2, с. 280]*; *священник*: *Priest* в официальном понимании, *senior* (позже, *elder*) в переводе Тиндейла (очевидно, что такой перевод упраздняет саны и титулы, лишает церковь власти); *подвергнуться епитимии* (виду церковного наказания для мирян в качестве нравственно-исправительной меры) для католической церкви времен Генриха VIII понималось как *do penance*, в то время как вариант Тиндейла – *repent* – предполагает духовное осознание без вмешательства посредника в душу верующего. И наконец, камень преткновения всего и вся – заставляющее задуматься Кромвеля слово *любовь*, передаваемое с латыни как *charity* (милосердие), и как *love* – у Тиндейла. В последнем случае характеристика душевного состояния христианина переходит границу некоего пуританского состояния и опасно приближается к естественному бытию.

С каждой новостью от Тиндейла из Антверпена Томас Кромвель произносит про себя какие-либо слова из варианта Библии Тиндейла: *No use praying to a carved post or lighting a candle to a painted face. Tyndale says 'gospel' means good news, it means singing, it means dancing; within limits, of course [2, с. 305].*

Жесткая правда духовного прозрения отражается писательницей через воспроизводимую несобственно-прямую речь Кромвеля. Он, как и читатели, осознает, что святые не являются нашими друзьями и не защитят нас, а тем более, не помогут в спасении души, так как их невозможно поставить себе на службу с помощью молитв и свечей, наподобие того, как нанимается работник в поле. Жертвоприношение Христа никак не отражается в ритуалах церкви. И главное – *you need no priest to stand between you and your God. No merits of yours can save you: only the merits of the living Christ [2, с. 299].*

Как отмечают авторы монументального исследования роли Библии в развитии английской литературы, встречаются «теологически сложные» писатели (например, Т. С. Элиот), которые, тем не менее, мало обращаются к тексту самой Библии. С другой стороны, есть художники слова, для которых Священное Писание – постоянный источник цитирования и аллюзий, но теологическая основа при этом отсутствует (например, В. Вулф)

[4, с. 3]. Х. Мантел, пожалуй, заняла особую нишу: не являясь прямым апологетом догматичных норм, она указала на необходимость критически осмысленного подхода к Библии, прибегнув к убедительным историческим фактам, что многократно повышает ценность добытых кровью знаний.

В заключение отметим, что, вводя, даже эпизодически, ссылки на биографию Тиндейла и цитаты из переведенной им Библии, Х. Мантел достигает невероятного по психологической силе эффекта. Во-первых, с помощью романа она восстанавливает в правах значимость переводческой деятельности, указывая на роль переводчика как абсолютного проводника знаний, трансформатора идеологий, носителя истины – вольного исказить или не исказить ее, переводчика как социально и культурно значимой фигуры. Во-вторых, Мантел восстанавливает в правах ценности главного текста христианской культуры, обращая внимание не на слепое следование догмам, а на критически осмысленный подход к метанарративам. И, наконец, современная английская писательница восстанавливает в правах главнейший концепт христианского сознания – любовь, который невозможно заменить иным понятием или синонимом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Проскурнин, Б. М.* Историческая диалогия Хилари Мантел и «память жанра» / Б. М. Проскурнин // *Филологический класс*. – 2016. – Вып. 2. – С. 77–83.
2. *Mantel, H.* *Wolf Hall* / H. Mantel. – London : Fourth Estate, 2010. – 653 p.
3. *Phillips, J.* *Exploring the Pastoral Epistles* / J. Phillips. – Grand Rapids : Kregel Publications, 2004. – 465 p.
4. *The Bible in English Literature* / ed. R. Lemon, E. Mason, J. Roberts, Ch. Rowland. – Malden, Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 2012. – 703 p.